

УДК 159.938.362.63

ОНТОЛОГИЯ РЕФЛЕКСИВНОЙ СО-ОБЩНОСТИ В ТВОРЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Волкова В.О.

*Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева,
Нижний Новгород, e-mail: veravolkova@mail.ru*

В статье вводится понятие «рефлексивная со-общность» и предпринимается экскурс в сферу возможностей его введения. Ее историческими предшественниками являются «интерсубъективность», «интеракция», а так же способ реконструкции понятийной определенности внутренних оснований общения, которая принималась в постмодернистской идеологии. Рефлексивная со-общность представляет собой особый план действий рефлексивного сознания, связывающий в общее представление как понятийные структуры внешних общностей (общение, диалог), так и скрытые формы образования смысла (трансценденция, знаковость, символизация). Поиски в области онтологии мышления способны открыть путь к пониманию глубины гуманитарного знания в его действенности, не располагающей в мире натуральных форм, а предполагающей символическую выраженность всякого действия, потенциально несущего в себе означивание способов порождения духовных протоформ, становящихся в области культуры. Среди них выделяется аналитический театр как протоформа реконструкции рефлексивной со-общности, не имеющей границ применения, так как она сопричастна творческому мышлению человека.

Ключевые слова: творческое мышление, рефлексивная со-общность, информационное поле, состояние, символическая феноменология, абсолютная субъективность

ONTOLOGY OF REFLECTIVE COCOMMONALITY IN CREATIVE THINKING OF A MAN

Volkova V.O.

*The Nizhny Novgorod State Technical University of R.E. Alekseev,
Nizhny Novgorod, e-mail: veravolkova@mail.ru*

The article introduces the concept of «reflexive co-community» and take an excursion into the realm of possibility of its introduction. Its historical antecedents are «intersubjectivity», «Interaction», as well as a way to determine the internal reconstruction of conceptual foundations of communication that have been taken in the post-modern ideology. Reflexive co-common is a specific plan of action reflexive consciousness, which connects to the conceptual overview of the structure of external communities (communication, dialogue), and latent forms of education meaning (transcendence, iconic symbolization). Research in the field of ontology thinking can open the way to an understanding of the depth of human knowledge in its effectiveness, there is no in the world of natural forms, and assuming a symbolic expression of any action, potentially carrying a valuation ways of generating spiritual protoforms becoming in the field of culture. Among them is an analytical reconstruction of the theater as a protoform reflexive co-communities without the limits of application, as it ownership of creative thinking person.

Keywords: creative thinking, reflexive co-common, information field, state, symbolic phenomenology, of absolute subjectivity

Введение нового понятия связано с трудностями выявления смысловых конструкций, составляющих онтологию понятия, и их транскрипций в значении интуитивных концептов, на основе которых возводится новое «здание» смыслов и интуиций. К тому же в наше время строгость в определении дополняется или вовсе реформируется в гибкие значения описательных конструкций, стоящих наравне с определениями. Так, рефлексия вполне дополняет прежние представления о сознании, раскрывая содержание этого понятия в связи с пространством и временем. Пространство в данном случае можно репрезентировать как «информационное поле», а время как «состояние», в которое попадает рефлексия, путешествуя по информационному полю. Значение термина «рефлексия» уже включает в себя «возврат-

ное состояние», «перспективное состояние», а также источник трансцендентного воззрения, так как рефлексия стремится к тому, чтобы охватить максимально значимое мыслимое целое. Рефлексия, связываясь с компонентами информационного поля, общается с ними, что дает право говорить о «рефлексивной со-общности».

Будущее наступает незаметно, оттеняя особенности настоящего, из которых создаются формы, овладевающие умами, как правило, в рефлексивном режиме при обращении назад. В настоящем XXI веке на первый план выходит сознание как план разума, созревающий во взаимодействии «всего со всем». Это взаимодействие становится существенным, когда осознается человеком. Это осознание является стимулом творческой активности.

Взаимодействие, понимаемое широко, охватывает множественность значений этого слова. Взаимодействие полагается как явная или скрытая со-общность с объектами внимания, предметами исследования, людьми, культурой, эпохой и т.д. Как явная, со-общность показывает внешнее благополучие или неблагополучие длительного или кратко временного общения. Как скрытая, со-общность соприсутствует протяженности взаимодействия. Внутри этого взаимодействия складывается каждый раз новая реальность, где действительными становятся образы, знаки, символы, слова, утверждения, смыслы. Скрытая со-общность является онтологической по своей природе и антропологической по отношению к человеку, так как иначе никому, как человеку, она не может оказывать помощь в выживании в неустойчивых условиях нестабильного мира.

Скрытая со-общность представляет собой особый план действий рефлексивного сознания, связывающий в общее представление как понятийные структуры внешних общностей (общение, диалог), так и скрытые формы образования смысла (трансценденция, знаковость, символизация).

Почти одновременно в начале XX века в западно-европейской философии и в русской философской традиции отрабатываются методологические идеи скрытой философии как потенции выживания. Ж.-Л. Нанси считал, что «совместность есть философская тема по преимуществу», так как она предшествует самой философской «тематике» и «выходит за ее пределы» [9, с. 92]. Когда в философии появляется объект, рефлексия структурирует со-общность во взаимодействии с ним. То же распространяется на научное исследование и на всякую другую форму общения с объектами, обретающими способность выражать себя в знаках, символах, смыслах. Как уже было сказано, это происходит при формировании реальности, в которой взаимодействие можно понимать и вступать с ним в осознанную работу.

Исследование есть, по Ж.-Л. Нанси, фактическая совместность. Она оформляет собой единое бытие, которое разделяется при рассмотрении отдельных вещей, таких как конкретные чувственные объекты, а также их образы и смыслы. В русской философской традиции идея со-общности имеет более фундаментальное представительство. Она выражается в концепции Всеединства и разработке этой концепции в версии символической феноменологии П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева. Символической феноменологии называется потому, что утверждает наличие символической реальности символов, образов, знаков, смыслов как

посредников-регуляторов и систематизаторов духовной стороны человеческой жизни. Это область языка и его значений, упорядочивающих разрозненные показатели бытия средствами человеческого мышления.

Духовная сторона жизни человека представлена универсальным приспособителем к выживанию человека в непростых условиях жизни. В классической парадигме науки такую роль выполняет рассудок (И. Кант), который был синонимом рефлексии в «функции универсального оспособителя» [3, с. 89]. Неклассическая рациональность, понимаемая в метатеоретическом ключе, вырастает из классической при помощи феномена «когито». Как термин «когито» введен в науку Р. Декартом, а распознан в качестве феномена М.К. Мамардашвили. Среди всей совокупности явлений, сравнимых по своей феноменальности с когито (ими могут быть абсолютно любые явления), когито выделяется своей событийностью. Явления жизни обладают самодостоверностью как феномены. Феномен не нуждается в каких-либо дополнительных объяснениях, так как полагается самореферентно, т.е. из себя самого [7, с. 15]. Когито как феномен есть «простая и чистая» форма, имеющая смысл, приходящий не из органов чувств и располагающийся не в точечном, а в пространственном измерении со-общности с тем, что не включается в его содержание.

Принимая со-общность как условие выживания человека, следует отметить две стороны этого выживания. Со-общность «всего со всем» означает как Всеединство, которое, в свою очередь, репрезентируется как Единое бытие (П.А. Флоренский) или Первоединое (А.Ф. Лосев).

Одна сторона Единого бытия – внутренняя. Этой стороной бытие обращено к самому себе в непосредственной «неслиянности со всем, что не оно» (П.А. Флоренский). Вторая сторона – внешняя, направленная к другому бытию. Эти стороны слиты в единстве первоначальном, как одно и то же бытие, только устремленное в различных направлениях. По Ж.-Л. Нанси, в этом единстве слиты бытие и смысл. В нем утверждается «здравомыслящее конструирование смысла посредством его самого» в «абсолютной субъективности» [9, с. 93].

Своим внутренним существом человек утверждает в себе жизнь, что невозможно вне установления дистанции с миром и самим собой, так как с младенчества человек начинает осваивать жизненные ситуации как величайшие открытия. Попадая в ситуацию, вступая в контакт с ней, он ориентируется не в готовом материале, а в попытке обнаружить чудесное, впечатляющее, что

не всегда зовет к выходу из ситуации, а, наоборот, чаще притягивает в ней остаться. Дистанцируясь от мира, человек поисками чудесного удерживается в этом мире, но при этом вырабатывает органические способности находиться как во внешнем бытии, так и во внутреннем, где ему притягательнее. Чем более притяжения к миру (внешнему или внутреннему) осознает человек, тем больше появится у него интереса к жизни и к своему делу на ее благо.

Усилие по созданию эталонов из объектов ситуации можно назвать духовным, так как для того, чтобы заменить эти объекты знаками (образами, энграммами, эталонами), человек вынужден перестраивать свои действия, т.е. вырабатывать отношение к самому себе через операцию обозначения в символической реальности. Выработка этого отношения переводит человека в состояние субъекта, переживающего встречу с ситуацией как с фактом бытия, который должен быть выражен, обнаружен, раскрыт, т.е. связан с другим бытием и направлен к нему.

Здесь-то и важны семантические конструкции разной степени сложности. Проникая в символическую реальность, человек осваивает свои способности притяжения как объективные возможности к установлению дистанции в той мере, какая допускает реализацию его внутренних ресурсов в реальности образов, знаков и символов. Способен ли он на открытое взаимодействие с людьми или дистанция окажется фоном игры его бессознательных комплексов? Притяжение осваивается человеком как до-рефлексивная со-общность с миром и его объектами.

Присутствие «абсолютной субъективности» говорит о том, что человек оказывается участником рефлексивной со-общности еще до того, как он сам начинает осознавать свои действия, а тем более предаваться их анализу. Рефлексия в данном случае равна когнитальному сознанию, где ухватывается предмет «в той мере, в какой мы вместе с ухватываемым или мысленно видимым предметом ухватываем и те акты или ту схему, посредством которой этот предмет давался сознанию» [7, с. 17].

Рефлексивная со-общность существует в Едином внутреннем бытии в первичном притяжении к иному. Появление смысла связано с завершенностью философии, которая открывает человеку «в сообществе любящих, семье, церкви или суверенной нации» [9, с. 93]. Они конституируют себя в «самоприсутствии». Смысл связи – сама эта связь, «предшествует связанности или, что то же самое, связность предшествует связи, в силу чего обе они являются чисто современными друг другу, будучи чем-

то единственно внутренним, повернутым к самому себе» [9, с. 93]. Так мыслятся известные каждому человеку философские темы, сочетающиеся в различные картины в разных областях знания об обществе, об отношениях, включая революционные лозунги равенства и проблемы любви, пола, деторождения и т.д. Они все притягательны в абсолютности. Онтология абсолютности в антропологическом контексте оборачивается неявными конструктами притяжения-отталкивания, состояниями внутреннего перевоплощения (превращения) и т.д.

Притяжение выливается в разные способы внутренних перевоплощений (превращений): в одном случае добросердечных, в другом – пограничных. Граница, прикрытая игрой комплексов, скрывает искаженные маневры идентификации с миром, нарушения тока экзистенциальных выборов, предпочтений, желаний и т.д.

В множественных актах поведенческой сети человек являет самого себя феноменом исполнения – поступка. В любом случае, как бы ни был неприятен другим людям человек, поступок искусно полагается им как изобретение [10]. Добросердечный поступок содержит ответственность, которая оказывается не принуждением, а даром – ответом на запросы мира и других людей, предопределением и заданием по оказанию им поддержки.

Покрытый «впадинами» комплексов, человек так же исполнит свой поступок, но мера его подлинности рано или поздно будет подвергнута сомнению, а персонализация откроет свои теневые ресурсы.

«Все подлинно существующее» – пишет П.А. Флоренский, – «имеет в себе жизнь и проявляет эту жизнь, свидетельствует о своем существовании – проявлением своей жизни, и притом свидетельствует не другим только, но и себе самому. Это проявление жизни и есть энергия существа».

Но если это так, то тогда *бытия* (курсив мой – В.В.) могут, оставаясь по сущности своей неслиянными, не сводимыми друг на друга, не растворимыми друг в друге, – могут быть и подлинно объединены между собой своими энергиями: тогда это объединение может быть мыслимо не как приложение деятельности к деятельности, не как механический толчок одним бытием другого, а в виде взаимопрорастания энергий, со-действия их, ... в котором нет уже врозь ни той, ни другой энергии, а есть нечто новое» [11, с. 284–285]. Следовательно, есть область, где устройство внутреннего мира зависит от его собственных критериев, а человек способен достичь их углубленной работой самопознания и второго (симфонического) рождения, заключающегося в на-

личии «согласованных воздействий» и «измерений смысла», их скрепляющих [1, с. 7].

Объединение, о котором говорит П.А. Флоренский, это глубина синтеза и целостности, отличная от множественности составляющих ее элементов, «самое само» А.Ф. Лосева [4, с. 299–526]. Здесь онтология абсолютности выражена в «абсолютности диалектики» как «абсолютной мифологии» [5]. Она являет собой едино-раздельную цельность движения человеческого мышления, неразрывно в русской традиции связанного с душой, духом, со-переживанием. Эта целостность вырастает из множественности, и множественность порождает единство и, безусловно признаваемым единством является. Безусловное или абсолютное единство изливает энергии и смыслы обоснований многообразия.

Множественность обоснований подвижна. Ее движение по заданной траектории не поддается однозначной линейной направленности. Проблематичным становится удержание «верха-низа», горизонта, заведомо предсказуемых координат. Мысль ветвится, фиксируя метрические рисунки, распадающиеся при появлении инородных образов. Ментальная карта исследователя обретает привилегию над физическими пространствами и временем. Она способна экранировать сюжеты, персонажей, коллизии между ними. Множественность обоснований в неклассической науке опирается на использование методов, которые не требуют общепризнанности. Напротив, они претендуют на стилевое оформление, т.е. богатство содержательности сохраняет одновременно всеобщность и многообразие онтологий – текста, искусства, личности, телесности и т.д.

Стилевое решение философии сохраняет единое в многообразии при помощи символической слиянности-неслиянности (П.А. Флоренский) и символической единораздельности (А.Ф. Лосев). Древнегреческое представление о символе совпадает с европейским представлением о разуме, делая обосновывающим методом «совпадение», «совместное соединение». Но это соединение рассматривается как «слиянность энергиями», когда разум не может не разделять вещь на саму вещь и ее значение, на знак, «упакованный» в вещь и смыслы этого знака.

Центральным понятием неклассической философской стилистики является символическая структура движения философской мысли. Единое соприкасается с первичным многообразием, находит в нем самообоснование, так как каждый элемент многообразия открывает себя как символ этого единого. Абсолютность единого порождает себя-подобие в том, что любой символ сохраняет его, разворачиваясь в многообразии имманентных про-

явлений. Подобие никогда не дает возврата к самому себе, так как является лишь указанием или не полным подобием единого. Подобие всегда лишь абрис своего vis-a-vis.

Рефлексивная со-общность выражает процесс такого самопорождения. Мысль не остановить, если ей задан изначально понимаемый и многократно рефлекслируемый принцип со-причастия имманентных проявлений творцу самой мысли.

Следовательно, поиски в области онтологии мышления способны открыть путь к пониманию глубины гуманитарного знания в его действительности, не располагающейся в мире натуральных форм, а предполагающей символическую выраженность всякого действия, потенциально несущего в себе означивание способов порождения духовных протоформ, становящихся в области культуры. Признание человека безусловной ценностью ведет за собой право человека на свободу в определении собственных онтологических идей и исходящих из них поступков не в позитивном знании, упакованном в учение о человеке, но в действительности собственной рефлексии, открываемой в мышлении, деятельности, самосознании и т.д.

Самой продуктивной формой свободы рефлексии является аналитический театр [2]. Он ведет свое начало от зрелищной формы организации человеческой мысли. Древние греки, открывшие эту форму, видели в ней вынесенное вовне выражение мыслительных способностей человека во взаимодействии с другими людьми. Здесь концентрируется пространство рефлексивной со-общности как возможности управлять эмоциями и мыслями людей путем передачи им права принятия решений. Воздействии, оказываемое на людей в этом случае, сохранилось и в современном понимании театра. Но возвратное онтологическое значение внутреннего перевоплощения мысли, когда воздействие театра и людей является взаимно обратимым, делает театр аналитической формой формирования стратегии человеческого мышления.

Театр есть «машина», которая вводит нас в то состояние, которое «существует только тогда, когда исполняется» [8, с. 160]. В отечественной философской традиции исполнительство превосходит игру по включенности рефлексии в состояния внутреннего перевоплощения мысли. Мысль при этом отстраняется в холодную западную рассудочность и расчетливость, а ввергается в со-общность с полнотой открытости. Смысл приходит с уходом слов – в «срабатывании» организованной сильной формы [8, с. 160].

Таковыми организованными сильными формами исполнительства являются рефлекс-

сивные состояния [2]. Аналитичность театральной метафоры проявляется в том, что получаемые нами состояния, в которые нас ввергает впечатление от происходящего на экране нашего сознания, перевоплощаются в события транса, медитации и следующих за ними рефлектируемых событий мышления. Для осуществления этой внутренней работы необходима пространственная репрезентация исполнительства театральной формы.

Театральная форма есть форма ухватывания вместе с предметом акта и схемы, в которой предмет дается мышлению. Аналитический театр помогает становлению рефлексивной со-общности, внутри которой человек начинает постигать символическую реальность своего мышления, трансцендируя к Вселенной своего духоустройства. Он оказывается один на один с этой Вселенной, задавая ей вопрос о самом себе. Развитая рефлексивность создает голографический эффект, благодаря которому вопросы воспроизводятся дважды – как фон, где действует семантика, и как символ, выделяемый из этого фона. Фон всегда сплошность, хаотичность. Символ создает многомерное изображение того, что «в принципе изобразить невозможно» [6, с. 282], что должно родиться в рефлексивной со-общности творца и его мышления.

В основу данной концепции аналитического театра положена концепция гуманитарной точности М.К. Мамардашвили. Театр в его понимании есть воплощение когитального сознания, когда гуманитарная точность зависит от выполнения конкретных предметных условий. Театральная сцена – место для «присутствия отсутствующей реальности» [6, с. 282]. Нечто отсутствующее представлено «марионетками», актерскими масками. Они объективируются в «негативе сознания» и составляют основное окружение человека в негативной среде. Отталкиваясь от того, что в мире нет ни «рая», ни прямого сердечного благополучия, человек начинает движение устройства самого себя как целостного существа. Ему надо собраться воедино для самосохранения, т.е. обретения того, что иметь как вещь нельзя. Тогда открывается рефлексивная со-общность с условиями, в которых человек оказывается. В данный миг, «в синоминутном истолковании людей, света, звука – впадать в истину» [6, с. 283], чтобы в следующий миг завоевывать ее снова. Создаваемая среда постоянно рефлексивной со-общности в напряжении движения субъективности и есть аналитический театр мысли.

Список литературы

1. Волкова В.О. Духовная симфония человека: неклассический смысл. – СПб.: Алетейя, 2014. – 184 с.
2. Волкова В.О. Когнитивная концепция аналитического театра // Актуальные проблемы современной когнитив-

ной науки: материалы седьмой всероссийской научно-практической конференции с международным участием (16–18 октября 2014 года). – Иваново: ОАО «Изд-во «Иваново»», 2014. – 130 с. – С. 11–12.

3. Генисаретский О.И. Пространство рефлексивных состояний // Навигатор: методологические расширения и продолжения. – М.: Путь, 2002. – С. 73–96.

4. Лосев А.Ф. Самое самó / Миф-Число-Сущность. – М., 1994. – С. 299–526.

5. Лосев А.Ф. Абсолютная диалектика – Абсолютная мифология // Миф – Число – Сущность. – М.: Мысль, 1994. – С. 263–298

6. Мамардашвили М.К. Дьявол играет нами // Сознание и цивилизация: выступления и доклады. – СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014. – С. 259–288.

7. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. – 288 с.

8. Мамардашвили М.К. Мысль в культуре // Сознание и цивилизация: выступления и доклады. – СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014. – С. 140–162.

9. Нанси, Ж.-Л. О со-бытии // Философия Мартина Хайдеггера и современность. – М.: Наука, 1991. – С. 91–102.

10. Пешков И.В. М.М. Бахтин: от философии поступка к риторике поступка. – М.: Лабиринт, 1996. – 176 с.

11. Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Сочинения. – М.: Правда 1990. – Т. 2. – 447 с.

References

1. Volkova V.O. Duhovnaya simfoniya cheloveka: neklasesicheskij smysl. SPb: Aletejya, 2014. 184 p.

2. Volkova V.O. Kognitivnaya kontseptsiya analiticheskogo teatra // Aktualnye problemy sovremennoj kognitivnoj nauki. Materialy sedmoj vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (16 18 oktyabrya 2014 goda). Ivanovo: ОАО Izd-vo «Ivanovo», 2014, 130 p. pp. 11–12.

3. Genisaretski O.I. Prostranstvo refleksivnyh sostoyanij // Navigator: metodologicheskie rasshireniya i prodolzheniya M.: Put, 2002. pp. 73–96.

4. Losev A.F. Samoe samó / Mif-Chislo-Suchnost. M., 1994. pp. 299–526.

5. Losev A.F. Absolyutnaya dialektika Absolyutnaya mifologiya // Mif Chislo Suchnost M.: Mysl, 1994. pp. 263–298

6. Mamardashvili M.K. Dyaivol igraet nami // Soznanie i tsivilizatsiya: vystupeniya i doklady. SPb.: Izdatelskaya gruppa Lenizdat, Komanda A, 2014. pp. 259–288.

7. Mamardashvili M.K. Klassicheskij i neklassicheskij idealy ratsionalnosti. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2010. 288 p.

8. Mamardashvili M.K. Mysl v kulture // Soznanie i tsivilizatsiya: vystupeniya i doklady. SPb.: Izdatelskaya gruppa Lenizdat, Komanda A, 2014. pp. 140–162.

9. Nansi Zh.L. O so-bytii //Filosofiya Martina Hajdeggera i sovremennost. M.: Nauka, 1991. pp. 91–102.

10. Peshkov I.V. M.M. Bahtin: ot filosofii postupka k ritorike postupka. M.: Labirint, 1996. 176 p.

11. Florenskij P.A. U vodorazdelov mysli / P. A. Florenskij // Sochineniya. M.: Pravda 1990 T.2. 447 p.

Рецензенты:

Краева О.Л., д.ф.н., профессор кафедры философии, социологии и социальной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород;

Шетулова Е.Д., д.ф.н., доцент, профессор кафедры методологии, истории и философии науки, Нижегородский государственный университет им. Р.Е. Алексева, г. Нижний Новгород.